

Раздел II
**НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

П.Ф. Дик

**РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
ОБ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ДУХОВНОСТИ**

Как известно, искусство, мораль, наука, образование, религия (теология), философия являются взаимодействующими формами гармоничного человеческого духа. По В. Соловьёву, окончательное значение всех других вопросов прямо зависит от положительного решения вопроса метафизического. Следовательно, «философия, осуществляя собственно человеческое начало в человеке, тем самым служит и божественному и материальному началу, вводя и то, и другое в *форму свободной человечности*».¹

Направления философии, прежде всего, материализм и идеализм, есть различия внутри целого – единого философствования, единого поиска истины. Ф. Энгельс – основоположник диалектико-материалистической философии – говорит о противоположности материализма и идеализма лишь в решении основного вопроса философии. Свободная теософия у В. Соловьёва «определяется как цельное знание, то в особенности она может быть обозначена как цельная наука, или же как цельная философия, или, наконец, как цельная теология; *различие будет здесь только в исходной точке и в способе изложения, результаты же и положительное содержание одно и то же* (курсив мой - П.Д.).² Поиск цельного знания применительно к реалиям современности – фундаментальная задача философствования.

Русская философия – самостоятельное явление и органичная часть философии человечества. Естественно, феномен «русская

---

¹ Соловьёв В.С. Исторические дела философии: собр. соч. в 10 т. Изд. 2-е. Т. 2. СПб., 1911. С. 413.

² Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания: соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 178.

философия» сложен и неочевиден; достаточно помнить о многозначности понятий «философия», «русский», выражающих сущность динамики реальности. Например, В. Соловьёв говорит о «славяно-финской народности, оплодотворённой германцами».

Полагаем, что стремление быть философией жизни в постижении реалий своего времени, в том числе бытия этноконфессионального феномена, придаёт русскому философствованию особую ценность.

Философ, по Ильину, должен воспитать себя к духовной очевидности. «Если русская философия хочет ещё сказать что-нибудь значительное, верное и глубокое русскому народу и человечеству вообще – после всех пережитых блужданий и крушений, – то она должна прежде всего спросить себя, в чем её призвание, с каким предметом она имеет дело и каков её верный путь (метод)? Она должна возжелать ясности, честности и жизненности. Она должна стать убедительным и драгоценным *исследованием духа и духовности*».¹ «Основное правило этого пути гласит так: сначала – *быть*, потом – *действовать* и лишь затем из осуществлённого бытия и из ответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания, – *философствовать*».²

Русская философия обладает богатой традицией постижения сущности религии и народной религии. По Соловьёву, органическое целое, состоящее из трёх частей: мистики, теологии и церкви, – «может быть названо старым именем религии (поскольку оно служит связующим посредством между миром человеческим и божественным)».³ «Религия может быть определена как опыт близости, родственности бытия. В религиозной жизни человек преодолевает ужас чужого и далёкого»⁴.

---

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности // И.А. Ильин. Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 406.

² Там же. С. 416.

³ Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания... С. 174.

⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 33.

В. Соловьёв великое историческое призвание России связывает с призванием религиозным в высшем смысле этого слова. Высший смысл религиозного – «общение с вечно и истинно-сущим», свободное подчинение «всеединному началу и средоточию».¹ Н. Бердяев в духовном поиске и опыте видит человеческую сущность. «Искание человеком Бога есть вместе с тем искание самого себя, своей человечности. ...И рождение Бога в человеческой душе есть подлинное рождение человека».² Органичное для философии *разумно-чувствующее стремление к неочевидной запредельности*, в русской философии является *стремлением к возрастанию сущностного, собственно человеческого* в человеке – индивиде и роде. Заметим: возрастание *внутреннее* (в себе и над собой), а не внешнее (собственное над другим). Нравственно-религиозная философия Владимира Соловьёва – средоточие русского, отечественного философствования – философия *великая* благодаря своей *подлинной гуманности* и гуманитарности. Религиозное *производно от нравственного*. «Более того, все положительные религии, не исключая и абсолютно-истинной, поскольку они в своих взаимных спорах обращаются за подтверждением своих прав или притязаний к общим нравственным нормам, тем самым признают себя в некотором смысле от них зависимыми.... Имея (нравственная философия – П.Д.) собственный предмет (нравственные нормы), независимый от положительных религий (и даже в известном смысле их обуславливающий), и будучи таким образом самостоятельной с этой предметной или реальной своей стороны».³ Следовательно, русская *религиозная философия* есть скорее философия *гуманистическая*, чем религиозно-мистическая в тесном смысле этого слова. *Истинная религия, истинное христианство* прежде всего ценны *нравственным нача-*

---

¹ Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания... С. 173.

² Бердяев, Н.А. Философия свободного духа... С. 133.

³ Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия: собр. соч. в 10 т. Т. 8. С. 32.

лом, человечностью. Характеризуя мировоззрение Ф. Достоевского, В. Соловьёв различает соединение всех народов одной верой (христианская конфессия) и всемирное общее дело. «Его идеал требует не только единения всех людей и всех дел человеческих, но главное – человеческого их единения. Дело не в единстве, а в свободном согласии на единство. Дело не в великости и важности общей задачи, а в добровольном её признании. Окончательное условие истинного всечеловечества есть свобода».¹ В гуманизме Достоевского Соловьёв видит и принимает возвышенный гуманизм; вспоминая духовность творчества Достоевского, представляет читателю кредо своей нравственной философии и философии религии. «Верить в человека – значит признавать в нём нечто больше того, что налицо, значит признавать в нём ту силу и ту свободу, которая связывает его с Божеством; и верить в природу – значит признавать в ней сокровенную светлость и красоту, которые делают её телом Божиим. Истинный гуманизм есть вера в Богочеловека, и истинный натурализм есть вера в Богоматерию».²

Русская классическая философия остаётся непревзойдённой в анализе связи народного и религиозного. Так, Соловьёв говорит о византизме – восточном варианте смешения вселенского предания с частным, вечного с преходящим. Византизм вошёл в дух и тело национальной церкви. Участники Константинопольского собора, «справедливо осуждая болгар за их болгарский филетизм, напрасно позабыли осудить свой тысячелетний греческий филетизм. После того как их предки подменили вселенское православие византийским эллинизмом, другие, уже по их примеру, стали подменивать его руссизмом, болгаризмом и т.д.»³ В этом аспекте он рассматривает церковный раскол и старообрядчество. Религи-

---

¹ Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского: соч. в 2 т. Т. 2. С. 306.

² Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского. С. 314 – 315.

³ Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика: собр. соч. в 10 т. Т. 4. С. 75.

озно-конфессиональное разграничение древнее национальных различий. Теократия предполагает религиозный народ, то есть доминирование религиозного над этническим. По Соловьёву, «теократия имеет целью осуществление религии (т.е. союза Бога с человеком) во всей жизни народов».¹ Он называет три религиозных народа, оставшихся к началу двадцатого века – польский, русский, израильский. Они живут в одной среде, христианской и еврейской теократии.

Неочевидные взаимосвязи национального и вероисповедного выявляет С. Булгаков. «Мы отнюдь не хотим вероисповедных разногласий (в особенности в таких основных противоречиях, как между церковным христианством и протестантизмом) сводить всецело к различию национальных типов, тем более что различные вероисповедания можно, хотя, правда, лишь в виде исключения, наблюдать в пределах и одного народа (немцы). Но, несомненно, что они всё же находятся в некотором соответствии национальным характерам. Даже в пределах одного и того же вероисповедания чувствуются эти национальные черты».² «Мы отнюдь не превращаем этим религию в атрибут народности, скорее, наоборот, народность становится здесь атрибутом религии, точнее, той индивидуальной формой, в которой воспринимается вселенская истина, её приемником».³ Религиозный синкретизм, распространение религиозных верований среди народов представляют собой не механический, а органический процесс, включающий ассимиляцию. Национальные религии, по Булгакову, есть ступени естественного откровения, преломляющегося через призму национальной души. Христианство, как единственная сверхнародная, всемирная религия свободна от национальной ограниченности. Но и она, по мнению Булгакова, остаётся народ-

---

¹ Соловьёв В.С. Еврейство и христианский вопрос: собр. соч. в 10 т. Т. 4. 172.

² Булгаков С.Н. Размышления о национальности: собр. соч. в 2 т.

Т. 2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 453.

³ Там же.

ной по усвоению.¹ Отталкиваясь от философии чистой ипостасности Фихте, С. Булгаков интерпретирует понятие здорового национального самосознания и солидарности народов. «Парадокс национального самосознания в том, что для последнего собственная нация практически имеет единственное и исключительное значение, подобно собственному *я* для человека, несмотря на то, что всё человечество состоит из *я*. ...Однако эта единственность есть иллюзия трансцендентального сознания. Поскольку *я* в самой *яй*-ности своей предполагает некие *со-я* или *вне-я*, - ты, он, мы, вы, они,- постольку и нация в конкретной особенности своей предполагает другие *со-нации* и ими ограничивается в отношении своего эгоцентризма. И как другие *со-я* для замкнутого *я* открывают врата любви, по образу триипостасной Любви, так и эти сонациональные *я* открывают двери к солидарности народов, и только эта открытость составляет условие здорового национального самосознания, не отравленного исключительностью эгоцентризма и заранее устраняющего идею избранности и единственности».²

Русские философы не приемлют космополитизм, национализм и любые формы национальной самоизоляции. Бердяев полагает, что национализм: принижает уровень духовно-религиозного; рассматривает религию только как социально-исторический феномен; фактически возвращается к политеизму. Развитие народности может быть плодотворно по мере усвоения вселенской сверхнациональной идеи; народ должен быть готов к моменту национального самоотречения. Христианский идеал в русской философии – *всеобщая солидарность и свободное развитие всех живых сил человечества*. Идея Н. Фёдорова об общем деле получила признание у всех мыслителей. Призвание русского народа они видят в его лидерстве по служению человечеству. По Соловьёву, народ, чтобы быть силой творческой, должен быть

---

¹ Булгаков С.Н. Размышления о национальности... С. 452.

² Булгаков С.Н. Нация и человечество: собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 651.

оплодотворён извне, должен быть открыт для такого воздействия. «Дело в том, что образовательные начала не существуют в отвлечённости, а всегда *in concreto* в той или другой национальной оболочке, и прежде, чем выработать для них *свою* национальную оболочку, нам приходилось принять их в той или другой из существующих уже *чужих* оболочек». ¹ Мы открыли доступ чужим силам государственной и гражданской культуры и потому проявили себя в этой области. Мы должны открыть к себе такой же доступ чужим религиозным силам, чтобы проявить свою религиозную силу. ² «Истинный патриотизм не боится католической пропаганды, как не боялся норманской власти, как не боялся немецкой школы. Настоящая вера не знает страха и настоящая любовь не терпит бездействия и косности: она требует действительного и определённого выражения». ³

Властвование начинается с власти над собой, замечает Бердяев. Национальная демократия начинается с воспитания национального и личного характера. Подлинная демократия связана с духовными ценностями. Утрата национального самообладания ведёт к деспотии. «Русские всего более нуждаются в закале характера. ...Есть доброта активная, твёрдая в отстаивании ценностей. Только к такой доброте нужно призывать. И нужно противиться расслабляющему и размягчающему ужасу перед болью и жестокостью жизни». ⁴ «Кроме того, что я ничего, кроме хорошего, для русской дряблости и безвольности не жду от католического воспитания, которое может ведь оказаться единственным светом..., я не боюсь этого. Я верю и знаю русскую душу, русскую одарённость, вообще русский гений, который нуждается в воспитании, но не боится его. К тому же время национальных внешних перегородок отошло в прошлое, в мире царит интернационал, и

---

¹ Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России: собр. соч. в 10 т. Т. 5. С. 33.

² Там же. С. 36.

³ Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. С. 37.

⁴ Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. С. 163.

национальность есть теперь факт внутренний, духовный, перво-
зданный».¹

Образованность, по В. Соловьёву, есть средство для осуществления всех добрых начал жизни и веры. Задача народного образования – заботиться, чтобы народ был лучше, просвещённее и счастливее. Для этого развивать и распространять – без упрощения – общечеловеческое образование. Свой взгляд на народное образование Соловьёв считает христианским, народным и историческим. С нравственной стороны такая работа есть целесообразно организованная *помощь ближним*, обязательная как для христиан, так и для гуманистов. Критерий выбора культурных работников-просветителей – признание ими нравственных обязанностей к человечеству. Солидарность людей *независимо от отношения к религии* значима, по Соловьёву, и в других направлениях совместной деятельности. «Вот общая опасность, которая должна соединить и верующих и неверующих. И тем и другим пора признать и осуществить свою солидарность с матерью-землёю, спасти её от омертвления, чтобы и себя спасти от смерти».²

Русская философия не обошла вниманием взаимосвязь этнического, конфессионального и экономического феноменов. Философствующий экономист С. Булгаков в связи с известными исследованиями М. Вебера отмечает необходимость изучения религиозно-этических основ психологии русской промышленности. «Особенно интересно было бы специально выяснить экономические потенции православия. < > Отличаясь коренным образом в своём отношении к миру от пуританизма и вообще протестантизма, оно в дисциплине аскетического «послушания» и «хождения перед Богом» (так же, как и догматически не отличающееся

---

¹ Булгаков, С.Н. Три идеи: PRO ET CONTRA / Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб : РХГИ, 2003.С.186.

² Соловьёв, В.С. Об упадке средневекового миросозерцания: собр. соч. в 10 т. Т. 6. С. 393.

от него старообрядчество) имеет могучие средства для воспитания личности и выработки чувства личной ответственности и долга, столь существенных для экономической деятельности, как и для всех остальных видов общественного служения».¹ Общеизвестное экономическое превосходство старообрядцев, молокан, духоборов В. Соловьёв, как позднее и С. Булгаков, объясняет государственно-общественным отношением к вере и конфессиям. «Полезны не гонения, а самозащита, не внешние стеснения, а внутренняя свобода от принудительного охранения, которое стесняет и атрофирует духовные силы. Но эта польза всего справедливее и вернее приобретается при всеобщей веротерпимости, когда каждое верование должно в свободной борьбе отстаивать себя против всех».²

Полемизируя с примирительным и истребительным видами патриотизма «самобытных» националистов, Соловьёв их декларируемой терпимости и фактической нетерпимости к иноверцам и инородцам противопоставляет единственный нравственно оправданный принцип справедливости – обязанность терпимости и уважения к чужой вере и народности; уважение к чужому праву, а не чужому качеству. Философ отмечает, что отношение к *иноверцам* есть отношение и к *инородцам*. В России девятнадцатого века религиозно-конфессиональное качество преобладало над народным, национальным, поэтому последнее, как правило, скрывалось за первым.

Полагаем, есть необходимость в *особом* внимании к разоблачениям грубо-софистического характера ложнопатриотической аргументации, блестяще выполненным философом и гражданином Соловьёвым.³ Грубые софизмы ложных пат-

---

¹ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность: собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 361-362.

² Соловьёв В.С. Из вопросов культуры: собр. соч. в 10 т. Т. 6. С. 402.

³ Там же. С. 416-420.

риотов распространены и сегодня, а достойные разоблачения остаются чрезвычайной редкостью.

Дело религиозной свободы, считает В. Соловьёв, является более важным для нравственного и исторического будущего России, чем дело народного образования и проблема материального сохранения народа (вопросы продовольственный и санитарный). Рассматривая понятие терпимости, философ напоминает, что терпимость – качество среднее, она обретает свойства нравственной оценки в зависимости от мотивации. Восхвалять терпимость вообще, значит затемнять вопрос, маскировать нечто недобросовестное. Соловьёв видит в терпимости вполне определённый смысл – принцип справедливости, как *равноправности* религиозных убеждений, – ставший нормой в *образованных* странах. Отношение российского государства к *признанным* культам не имеет ничего общего с *действительным* убеждением личности в вопросах религиозной веры, замечает он. В частности, он отмечает, что государство не допускает выхода личности из православия.

По сути, философ В. Соловьёв мужественно представляет свою гражданскую позицию; он последовательно критикует конкретно-историческую практику *этноконфессиональной* политики российской государственности и отстаивает перспективное будущее великой России в содружестве народов планеты. «*Всечеловечество...не есть отвлечённое понятие, а согласная полнота всех положительных особенностей* нового или возрождённого творения,- значит *не только личных, но и народных*. ...Требуемое им (христианством – П.Д.) действительно от лиц и от народов духовное перерождение или обновление не есть уничтожение естественных свойств и сил, а только видоизменение их, сообщение им нового содержания и направления».¹

Полагаем необходимым подчеркнуть: принцип справедливости, отстаиваемый В. Соловьёвым и другими русскими мысли-

---

¹ Соловьёв, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия: собр. соч. в 10 т.Т. 8. С. 317.

телями, рассматривался ими как средство и условие *развития* России, исполнения ею своей *вселенской* исторической миссии, религиозной в смысле прорыва к запредельному, *подлинному* бытию, принципиально новому для личности, народов и человечества в целом.

Очевидны параллели между современностью и столетней давностью – как в проблемах, так и в философских подходах к их разрешению. Поэтому под религией мы понимаем систему *освящения творческого начала*, включающую *общение-преклонение*.¹ *Сущность* религии есть уверенная претензия на монопольное владение гарантированным способом реального перехода между пределом мира человека и запредельностью. *Переживание* священного – существенный признак религиозности. Религия, как распространённое обозначение очевидного феномена *повседневности*, по сути есть синкретическое мироощущение народа, собирающее в триединство: растущее мифотворчество, стихию ритуальной мистики и фрагменты жизненно-практического философствования. Разделяем позицию Гегеля: секта и церковь соотносятся как религия *становящаяся* и религия *ставшая*. *Этноконфессиональная общность* – группа людей, признающая единство на основе слитности конкретных компонентов социально-культурного и религиозно-конфессионального феноменов. Так называемые, буддийские, мусульманские, христианские народы, как конкретные исторические общности, предполагают приоритет этнического или конфессионального.

В сложной социально-культурной динамике реального превращения-преобразования (трансформации) общностей можно выделить стороны противоречий: материальное – духовное, мировоззрение – идеология, сакральное – секулярное, мистическое – конфессиональное, поликонфессиональное – моноконфессиональное, индивидуальное – групповое, полиэтническое – моноэт-

---

¹ Дик П.Ф. Основы религиоведения (этнокультурный аспект): Учебник для слушателей юридических специальностей. Астана-Костанай, 2000. С. 7.

ническое и другие. В совокупности они образуют феномены, которые мы означаем как *идеальные типы* (по М. Веберу) *социально-культурных общностей* (СКО).

Конфессиональный тип – в основе единственная конфессия или иерархия вероисповеданий. *Конфессионально-этнический* тип – приоритет конфессионального. *Этноконфессиональный* тип – приоритет этнического. *Этнический* идеальный тип – абсолютизация народа, понимаемого в биологическом, географическом, духовном или политическом смысле. *Мировоззренческий* тип общности – субординация форм духа (общественного сознания, духовной культуры) на основе доминирующего типа мировоззрения (миф, религия, философия). *Идеологический* тип – диктат господствующей социальной группы (по П. Сорокину – страты). Царская Россия 19–20 веков в трудном движении от конфессионального к этноконфессиональному миновала и конфессионально-этнический тип общности. Советский социум СССР начинался как идеологический тип; он эволюционировал к этническому и остановился на мировоззренческом. В основе мировоззрения советского социума – научно-материалистическая философия. Постсоветское социально-культурное пространство возникло как совокупность типов этноконфессиональных либо идеологических общностей.

Мы полагаем, что в ближайшей исторической перспективе Россия и Казахстан останутся этноконфессиональными, дрейфующими к конфессионально-этническому (при условии стабильности социума), либо идеологическому (в условиях нестабильности социума) типам социально-культурных общностей.

Многие идеи гуманистической русской философии вошли в советскую философию и получили соответствующую интерпретацию. Есть необходимость в *выявлении точек соприкосновения, возможностей взаимодействия* основных направлений и традиций философствования на постсоветском пространстве.

Философская разумная духовность является оптимальным основанием современной перспективной духовности, образования в целом и гуманитарного образования в частности. Полагаем, что ставшая традиционной сосредоточенность на взаимосвязях философии, религии и науки оставляет на периферии философскую идею *гармонии всех форм духа и духовности*. Соответственно, гуманитарная составляющая образования уже более ста лет неизменно сокращается в пользу естественнонаучного и технического компонентов. Увеличивается продолжительность обучения. А действительные результаты всё скромнее.

Подлинное образование, понимаемое как становление личности и народа, может быть только интенсивным. Проследим, например, логику развёртывания идеи Фихте применительно к выходу из общего кризиса народа. Цель национального воспитания – образовать немцев к новой общности с единым настроем. «Потому в своём последнем результате это образование есть образование способности познания воспитанника, и ни в коем случае не историческое, о существующем порядке вещей, но более высокое и философское, о законах, в соответствии с которыми необходим данный порядок вещей».¹

Воспитание к истинной религии есть последний момент нового воспитания. Почему последний? В благоустроенном обществе, полагает Фихте, достаточно истинной нравственности, религия является движущим мотивом в испорченном или кардинально реформируемом обществе. Не в бровь, а в глаз.

Стремящаяся к бесконечности фактография должна быть заменена философским единством мысли и чувства. Таков смысл призыва Соловьёва. «Так вот, если кто из вас захочет посвятить себя философии, пусть он служит ей смело и с достоинством, не пугаясь ни туманов метафизики, ни даже бездны мистицизма; пусть он не стыдится своего свободного служения и не умаляет

---

¹ *Фихте И. Г.* Речи к немецкой нации; пер. А. А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. С. 76.

его, пусть он знает, что, занимаясь философией, он занимается делом хорошим, делом великим и для всего мира полезным».¹ Кстати, в Казахстане есть опыт развёртывания *самопознания* как основы обучения и воспитания личности.

Помня об отечественной традиции, мягко говоря, своеобразного отношения к философии и философствованию, полагаем, что именно подлинная философия, философия жизни и школы в единстве её мировоззренческого, художественного и научного компонентов, может и должна стать действительной основой образования, как минимум, в евразийском сообществе. Чтобы Евразия, наконец, вырвалась из тупиков двуединства «испорченного» общества и кардинально реформируемого общества.

Т.А. Логиновских

КОНЦЕПЦИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ С. Л. ФРАНКА В КОНТЕКСТЕ ВОСПИТАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Современное гуманитарное образование базируется на классических ценностях социокультурного, этического, эстетического, философского знания. Этимология и смысл понятия «гуманитарный» давно исследован представителями различных наук и, прежде всего, самими гуманитариями. Но цель нашей статьи требует поиска инварианта в осмыслении русскими философами человекотворческой основы гуманитарного образования. И таким инвариантом, на наш взгляд, является понятие «гуманизм». Гуманизм (от латинского *humanitas* – человечность) – рефлексированный антропоцентризм, который исходит из человеческого сознания, имеет своим объектом человека как ценность². Еще Цицерон называл гуманизмом высшее культурное и нравствен-

---

¹ Соловьёв В.С. Исторические дела философии... С. 413.

² Краткая философская энциклопедия. М., Издательская группа «Прогресс» - Энциклопедия, 1994. С. 119.